

«Вечерняя Москва»
16 февраля 1962

«ДЕВЯТЬ ДНЕЙ ОДНОГО ГОДА»

Кино

ЭТА картина может удивить своей необычностью. Девять основных ее эпизодов — девять дней одной жизни, дней разных: важных и непримечательных, веселых и грустных, горьких и счастливых. Они выбраны будто произвольно, как и само их число.

В фильме много раздумий, юмора, печали, много интересных разговоров людей умных — слышать их с экрана приходится, к сожалению, крайне редко. Разговоры, беседы героев не всегда, а скорее и вовсе не влияют прямо на ход действия, на конфликты, взаимоотношения, и тем не менее они нам очень интересны, без них фильм стал бы беден.

Ведь сам по себе сюжет его мог быть рассказан и традиционно — а кинематограф знает множество случаев, когда интереснейший жизненный сюжет превращался в банальный и мелодраматический.

Молодой талантливый ученый-физик работает над важнейшей научной проблемой, имеющей огромное практическое значение, работает, не щадя себя, своих сил и здоровья. Даже смертельно больной продолжает он исследования, делает открытие и идет на операцию, исход которой не известен, с сознанием выполненного долга. Такие сюжеты — истории подвигов уже разрабатывало искусство. Зачастую бедой их, помимо нарочитости сюжетных схем, бывало обилие красивых и громких слов о героизме и подвигах, о славе и доблести. В действительности же всякие дела, в том числе и те, которые потом оказываются великими, давным-давно свершаются без всякого антуража многозначительности. Они свершаются по зову сердца, потому что человеку так лучше и иначе он не может. Вот это-то и происходит с героем фильма — ученым Гусевым, и это очень тонко показано в фильме «Девять дней одного года». Алексей Баталов замечательно раскрывает увлечение и одержимость своего Гусева как совершенно естественное и единственно возможное для него душевное состояние. И если бы артист вдруг порой не начинал «играть» обреченность и над головой героя не загорался тогда ореол мученичества, современность и правда этого образа были бы безупречны.

Авторов картины интересует не фактическая сторона истории научного открытия, а история души, не эффект подвига, а пути человеческого сердца — потому-то на экране такие разные дни одного года.

В фильме действуют всего три героя — Гусев, его друг Илья, Леля: всего три актера — Баталов, Смоктуновский, Лаврова. На первый и невнимательный взгляд может показаться, что в этом фильме, прокладывающем новые дороги, сохранился старый, давно ставший притчей во

языках любовный треугольник. На самом деле здесь полное переосмысление мотива «треугольника», по существу его отрицание. «Треугольник» в фильме лишен своей классической пружины — ревности. Любовь друзей к одной и той же женщине никак не изменила их взаимной преданности общей дружбы, товарищества. Причем все это показано тоже не как нечто необыкновенное, для чего героям приходится бороться с собой, что-то «преодолевать» и от чего-то «отрекаться» в муках. Нет, в фильме эти отношения раскрыты опять-таки как нечто совершенно естественное, как результат каних-то тонких сдвигов в психологии современного человека, которому более сильный, чем личные обиды, нравственный закон подсказывает именно такие нормы взаимоотношений.

Наблюдая подобное в жизни и перенося в свои произведения, деятели искусства часто начинают слезно уми-

ляться вещами вполне нормальными. Ах, смотрите, — говорят они, вот соперники, ах, как они страдают, ах, какие муки переживают и не обливают друг друга кислотой, не колют ножами и даже пьют чай за одним столом, какие добрые, какие редкие люди! Вот этого старомодного, сентиментального и ханжеского умиления абсолютно чужд мужественный фильм Ромма, констатирующий и утверждающий в искусстве ту истину человеческих отношений, которая давно утвердилась в жизни.

Так же переосмыслены в фильме и характеры, казалось бы, традиционные. Кто такой Илья Куликов с его всегдашним спокойствием и уравновешенностью, острым и злым языком, элегантно отутюженным костюмом и замшевыми ботинками? Кто этот человек, чей тончайше выписанный портрет создал Иннокентий Смоктуновский, очевидно, вырастающий в крупнейшую актерскую фигу-

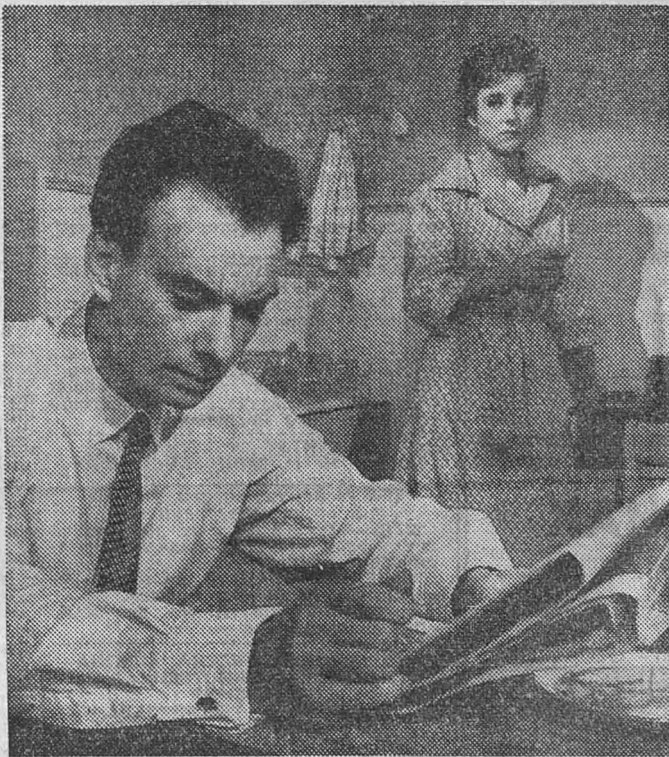
ру нашего кино? Ну ясно, можете подумать вы, — это, конечно, антипод Гусева, преуспевающий молодой карьерист, окопавшийся в столице близости от министерств, это пинжон, сноб и равнодушный эгоист. Но вы ошиблись. Это отнюдь не антипод героя, а еще один характер, очень индивидуальный, очень современный характер, пользующийся нашей условной терминологией — «положительный», потому что не замшевые ботинки и узорчатый шарф, и даже не скептические речи, а, как гласит старая мудрость, поступки определяют человека.

Также и Леля — да, увы! — она средний физик. Но это еще не может дать основание быстро заклеить ее той эгоисткой и мещанкой, которые в качестве дурных жен и дальновидных невест фигурируют на экране. И Илья, и Леля таковы, какие они есть, и тема нравственного влияния Гусева, тема приобщения их к таланту незаурядному, звучит в фильме тем благороднее, что о ней не сказано ни слова: она целиком в подтексте, в настроении вещи.

И когда Леле и Илье, не покидающим приемного покоя накануне операции Гусева, сверху приносят от него записку, а жена берет эту записку дрожащими руками, а в записке просьба как-нибудь достать брюки, чтобы еще успеть втроем сбежать в «Арагви», и на крупном плане (это последний кадр фильма), карандашные строчки и три смешные нарисованные фигурки, взявшиеся за руки, — думаешь не только о замечательно найденном финале, а о самой жизни, которая вот так тоже вдруг дарит улыбку, радующую и внушающую веру в будущее, большую, чем любые, пусть и самые бодрые слова об оптимизме.

И еще думаешь о движении нашего кино, о творческой молодости его заслуженного мастера Михаила Ромма, который со своими друзьями Д. Храбровицким, оператором Г. Лавровым и актерами сделал фильм удивительно яркий и свежий.

Н. ЗОРКАЯ.

Кадр из фильма «Девять дней одного года».